

5. Как русская, так и европейская модели колонизации предполагают очень схожую территориальную схему общения с аборигенами, которые сами должны приходить для обмена в фактории колонизаторов. Однако европейская модель строит эти отношения на целиком рыночной основе – на свободном обмене продуктами.

6. Еще одно отличие в русской и европейской моделях колонизации предполагает наличие или отсутствие очень сильного геополитического соперника. Вся колонизация субарктической Канады в конце XVII – первой четверти XVIII в. осуществляется под знаком острого соперничества Англии и Франции, при сравнительном безразличии аборигенного населения. Русская колонизация сходного региона проходит при полном отсутствии такого рода конкурента (только при смутном намеке на него).

7. Колонизация Севера Сибири и освоение субарктической Канады оказались связанными посредством европейского рынка. Падение объемов пушных товаров, поступавших в Европу из Сибири, привело к росту спроса на канадские меха. Заимствование русских технологий позволило поставить производство меховых изделий на индустриальные рельсы. Однако, как и русский проект, европейский проект промысловой колонизации закончился истреблением пушного зверя и падением прибылей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск, 2007.
2. Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII века. Новосибирск, 1979.

3. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий: в 5 т. М., 1983. Т. 2: Конец XV – середина XVII в.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.; Л., 1937. Т. 1.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 3 т. М., 2005. Т. 3.
7. De Troyes P. Journal de l'expédition du chevalier de Troyes à la baie d'Hudson en 1686. E. et ann. par l'abbé Ivanhoe Caron. Beauceville, 1918.
8. Beckles Willson. The great company: In 2 vols. L., 1900. Vol. 1.
9. Barnes William. The settlement and early history of Albany. Albany, N.Y., J. Munsell, 1864.
10. Laws and Ordinances of New Netherland, 1638–1674 / compiled and translated from the Original Dutch Records in the Office of the Secretary of State / ed by E.B. O'Callaghan. Albany; N.Y., 1868.
11. Davies Kenneth Gordon. The North Atlantic World in the Seventeenth Century. Minneapolis; L., 1974.
12. Merwick D. Possessing Albany, 1630–1710. The Dutch and English Experiences. Cambridge, 1990.
13. Chase J. [Rec. ad op.] Merwick D. Possessing Albany, 1630–1710, The Dutch and English Experiences // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 1992. Vol. 47, N 4.
14. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. (История Сибири. Первоисточники. Вып. IV).
15. Обдорский край и Мангазея а XVII веке: сб. документов / сост.: Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004.
16. Первое столетие сибирских городов. XVII век / сост. Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Д.Я. Резун при участии А.А. Бродникова и И.Ю. Просекова; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1994.
17. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
18. Carlos Ann M., Lewis Frank D. Commerce by a Frozen Sea Native Americans and the European Fur Trade 264 pages – 25 illus. University of Pennsylvania Press, 2010.
19. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

Статья поступила
в редакцию 05.11.2012

УДК 94(57).063

А.Х. ЭЛЕРТ

НАСЕЛЕНИЕ МАНГАЗЕЙСКОГО УЕЗДА ПО АНКЕТНЫМ ДАННЫМ 1739 г.

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: alexandrelerert@yahoo.com

В статье анализируются материалы «Ведомости» Мангазейской уездной канцелярии, составленной в 1739 г. по вопросным пунктам анкеты академика Г.Ф. Миллера 1738 г., характеризующие русское и коренное население уезда. Основное внимание уделяется численности, сословному составу и расселению русского служилого и податного населения, численности и этническому составу коренных жителей, а также особенностям ясачной политики уездных властей.

Ключевые слова: анкеты Академии наук, Г.Ф. Миллер, Вторая Камчатская экспедиция, Мангазейский уезд, население, демография, история.

Во время путешествия по Сибири в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) академик Г.Ф. Миллер поставил перед

собой целью собрать путем анкетирования официальные данные об истории, экономике, сословном составе, численности и расселении русского населения, его

повинностях, а также этническом составе, расселении и ясачных сборах коренного населения во всех сибирских уездах. Итогом этой работы стало собрание «ведомостей», состоящее из 7 громадных томов, сформированных ученым по территориальному принципу (исключая 7-й том, в который вошли материалы, полученные из различных церковных ведомств). Ответы поступили из всех уездов. Одними из самых объемных (190 с. рукописного текста) и информативных являются ответы на анкету, составленные в Мангазейской (Туруханской) воеводской канцелярии.

Как правило, ученый посылал анкеты в уездный город незадолго до его посещения. Исключение составляют анкеты, направленные в несколько северных городов (Туруханск, Нарым, Сургут и Березов) в 1738 г., поскольку в это время Миллер не планировал побывать в них (но все же побывал). Анкета по Мангазейскому уезду была подготовлена и отправлена Миллером в Туруханск через губернскую канцелярию 19 августа 1738 г. во время путешествия из Иркутска в Енисейск. Составление ответов на вопросы анкеты заняло у канцелярских служителей почти год. Когда Миллер прибыл в Туруханск 6 июня 1739 г., «Ведомость» была еще не готова, он смог получить ее только в день отъезда из города – 6 июля того же года¹. Заверен документ дворянином Алексеем Карамжиным и подканцеляристом Петром Дружининым.

Мангазейский уезд в это время входил в число самых малонаселенных по всей Сибири. Времена, когда в XVII в. в «златокопящей Мангазее», прежнем административном центре уезда, проживало до 700–800 чел. и скапливалось перед соболиным промыслом в лучшие времена до 2000 промышленных, давно миновали [1, с. 202]. В 1739 г., согласно «Ведомости», в Туруханске насчитывалось всего 97 жилых дворов: 2 поповских, 1 дьяконский, 1 детей боярских, 65 служилых людей, 14 разночинцев, 8 промышленных людей и 6 посадских; 5 дворов пустовали. Исследователи связывают такие изменения с оскудением пушных промыслов, почти полным истреблением промышленными соболей, а также изменением путей колонизации Сибири, движением населения на юг.

Согласно штатному расписанию, в уезде должно было быть 134 служилых (4 сына боярских и 130 рядовых). Реально же в наличии в 1739 г. было всего 100 служилых (2 сына боярских и 98 рядовых), службу которых нельзя назвать легкой. Они посылались за сбором ясака (каждый год от 42 до 48 служилых), на заставу (2 чел.), «для зажигания маяков» на морском побережье (24 чел.), в Енисейск для доставки казны, товаров и канцелярских дел (от 4 до 8 чел.) и др. В результате, как сообщают авторы документа, «при городе остаетца по дватцати по пяти и по четырнатцати, и по десяти человек»². Податное население уезда насчитывало 856 душ: промышленные люди (125 чел.), разночинцы (239 чел.), черносошные пашенные крестья-

не (25 чел.), пашенные крестьяне (17 чел.), посадские (379 чел.) и монастырские вкладчики (71 чел.).

Естественный прирост русского населения был практически нулевым. На вопрос анкеты о количестве родившихся и умерших за последние 10 лет по всем церквям уезда авторы в канцелярии смогли ответить лишь по приходу церкви в Туруханске: с 1729 по 1739 г. родилось 515 чел., умерло 512 чел. Причем число новорожденных мужского пола значительно уступало числу новорожденных женского пола (соответственно 226 и 289 чел.); иным было соотношение умерших разного пола (соответственно 272 и 240 чел.). Аналогичными данными по приходам церковей в погостах и Троицком монастыре в уездной канцелярии не располагали. Сравнение приведенных сведений с аналогичными анкетными данными по другим северным уездам с крайне неблагоприятными природно-климатическими условиями показывает их типичность. Так, в Нарымском уезде за 10 лет родилось 745 чел, умер 751; в двух приходах (по другим данным нет) Якутского уезда за 1732–1737 гг. родилось 378 чел., умерло 385 чел. [2, с. 93]. Для сравнения: в соседнем Енисейском уезде за 5 лет (1730–1734) родилось 3084 чел., умер 1501 чел.³ Таким же значительным был естественный прирост русского населения и в большинстве других земледельческих уездов Сибири.

В «Ведомости» приводятся чрезвычайно подробные сведения о поселениях русских жителей уезда, в основном дворах (с указанием сословной принадлежности и имени их владельцев) и зимовьях (обычно называлось только имя владельца), а также их местоположении, расстояниях между ними и устьями рек и речек, о других примечательных природных объектах. Ни одно из этих поселений не названо деревней, даже в случае, когда рядом стояли два или три двора. Всего указано более 200 поселений.

Помимо дворов и зимовий отмечены следующие поселения с постоянными жителями. 1. Мангазейский Троицкий монастырь, описание которого в «ведомости» отсутствует (авторы ссылаются на то, что соответствующие сведения должны поступить ученому от монастырских властей). 2. Заимка Троицкого монастыря, в которой была часовня, 1 келья и 1 работничья изба. 3. Хантайский погост (церковь с колокольней, винный кабак, 2 поповских двора, 1 двор посадского, 1 служилого, 1 двор Троицкого монастыря, 2 пустых). 4. Хатангский погост (церковь, 1 поповский двор и 3 якутских зимовья). 5. Авамское ясачное зимовье с 5-ю дворами служилых. В полевом дневнике Миллер пишет, что в прежние времена это поселение насчитывало около 50 жилищ⁴. 6. Винный завод откупщика Шишкина (сведений о том, что он собой представлял, не дается).

Все поселения, названные дворами, но вряд ли отличавшиеся от тех, что обозначены зимовьями, находились на Нижней Тунгуске в очень большом удалении от города. Приведем описание ближнего к городу

¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 5. Л. 107–201 об.

² Там же. Л. 145.

³ Там же. Портф. 481. Ч. 5. Л. 29 об.

⁴ Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 308.

двора: «В Туруханском ведомстве вверх по Нижней Тунгуске реке, от города Мангазеи верхового ходу недель з девять, а верст например с тысячу с шесть сот, имеется на левой стороне мангазейского ведомства государева пашенного крестьянина один двор Фарков. И при том зимовье на горе имеетца озеро, вкруг например версты с полторы, и пониже того двора с полверсты имеетца река Ерома Малая, а повыше от Фаркова зимовья с версту имеетца другая река Ерома»⁵. Здесь примечательно именование поселения то двором, то зимовьем. Помимо этого двора выше по Нижней Тунгуске находилось еще 5 дворов государевых пашенных крестьян, 8 дворов монастырских крестьян и 1 двор монастырского вкладчика.

Всего в «Ведомости» указано местоположение 195 действующих зимовий (включая 20 зимовий новокрещенных якутов), а также около 30 заброшенных. Хозяевами зимовий являлись не только промышленные люди, но и представители всех других податных сословий. Большинство из них владело лишь одним зимовьем, однако было немало и таких, которые помимо основного («коренного») имели и «отъезжие» зимовья. Их посещали в зависимости от сезонных обстоятельств (для рыбной ловли, охоты на мигрирующих диких оленей, ловли гусей и уток во время линьки и др.). Таких отъезжих зимовий у одного хозяина могло быть несколько, а больше всего их было в бассейне Енисея, у его устья. Зимовья были разбросаны на огромной территории по Енисею до его устья, на крупных притоках и реках, впадающих в Северный Ледовитый океан (Нижняя Тунгуска, Дудина, Хета, Пясины, Дудыпта, Хатанга, Попигаи, Авам и др.), а также вдоль океанского побережья. К западу от низовьев Енисея указано лишь несколько поселений, основной причиной их малочисленности была опасность нападений «вольной юрацкой самояди». Судя по всему, обитателям зимовий удалось наладить добрые взаимовыгодные отношения со всеми другими коренными народами уезда, не исключая воинственных тунгусов, поскольку в противном случае выживать было невозможно.

Основными занятиями жителей уезда, естественно, были охота и рыбная ловля. Составители документа утверждают даже, что «довольствуютца» жители уезда исключительно продуктами рыбной ловли и охоты, а также хлебом, привозимым из Енисейска. В документе ничего не говорится о занятиях местных жителей скотоводством, хотя таковое существовало в недавнем прошлом не только в городе, но и в уезде. В «Описании сибирских народов» в главе о скотоводстве Миллер сообщает: «Прежде также и в Мангазейском уезде русские занимались скотоводством почти во всех зимовьях, от Туруханска вниз по реке до Толстого носа... Но с 1730 г. в Мангазейском уезде 4 года подряд у рогатого скота была эпизоотия, так что он весь издох, и теперь от него нигде ничего не осталось, кроме как в одном лишь городе Туруханске» [3, с. 213]. Можно предположить, что многие из опустевших зимовий

были оставлены как раз по этой причине. Нам трудно объяснить все причины, по которым сотни семей продолжали жить в суровых природных условиях, в полной изоляции большую часть года и подчас на грани выживания. Мы полагаем, что среди этих причин была и отмеченная участником Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллером при описании промышленных людей Иркутского уезда: «Особенное удовольствие им доставляет то, что ими никто не командует, и они сами себе господа» [4, с. 36].

В отличие от большинства уездов Сибири коренное население Мангазейского уезда учитывалось не по волостям, землицам или улусам, а по 15 ясачным зимовьям, к которым были приписаны ясачные. В некоторых из этих зимовий служилые жили постоянно (помимо прочего, охраняя заложников-аманатов), другие же посещались ими лишь во время сбора ясака. Ясачное население уезда было представлено тунгусами, самоедами-ненцами, самоедами-юраками, остяками (так тогда именовались разные народы – кеты, селькупы и ханты), тавгами (нганасами) и якутами. Согласно записанному в полевом дневнике показаниям информаторов Миллера, якуты и тунгусы-долганы переселились в Мангазейский уезд из Якутского из-за тяжести ясачного гнета на их прежней родине⁶. Следует упомянуть, что в число коренных жителей уезда могли войти и западные (колымо-алазейские) чукчи, которые, согласно показаниям ряда информаторов Миллера, в количестве около 40 семей в конце первой четверти XVIII в., спасаясь от набегов восточных сородичей, проделали огромный путь на запад, достигнув пределов Мангазейского уезда (отдельные семьи добрались даже до низовьев Енисея), но были истреблены, предположительно тунгусами, самоедами и русскими [3, с. 88–91].

Общую численность коренных народов уезда возможно определить лишь приблизительно, исходя из количества плательщиков ясака. Согласно анкетным данным, ясак должны были платить 963 чел. (918 взрослых и 45 подростков), в том числе 394 тунгуса, 220 тавгов, 118 ненцев, 61 юрак, 118 остяков и 52 якута. Если исходить из методики подсчета численности коренного населения Сибири, предложенной Б.О. Долгих (путем умножения числа плательщиков ясака на 4, а в отдельных случаях на 5) [5, с. 13], то численность указанных народов составляла около 4 тыс. чел. Впрочем, следует отметить достаточно большую условность данной методики, поскольку коэффициент мог значительно варьировать в зависимости от региона, этнической принадлежности ясачных, политической ситуации и др.

Окладной ясак, как почти по всей Сибири, определялся в соболях, а реально взимался, за исключением небольшого количества соболей, другими мехами – лисьими, волчьими, песцовыми, рысьими, росомашьими (каждая шкура приравнивалась к одному соболю), горностаевыми (20 горностаев за соболя), беличьими (100

⁵ Там же. Портф. 481. Ч. 5. Л. 112.

⁶ Там же. Портф. 507. Ч. 2. Л. 308 об.–309.

белок за соболя), а также необработанными лосиными (1 – за соболя) и оленьими (карлушины) (5 – за соболя) шкурами. Исключение составляли тавги, которые должны были платить ясак ровдугами (очищенными от шерсти и подкожной клетчатки выделанными оленьими шкурами). Объясняется это, видимо, не столько тем, что в местах кочевий тавгов пушных зверей было мало, сколько большим спросом на «авамские» (по названию ясачного зимовья) ровдуги, отличавшимися высоким качеством [6, с. 290].

Размеры ясака были неодинаковыми для представителей разных народов и даже разных родов. Так, почти все тунгусские роды должны были платить по 3 соболя с взрослого ясачного и по 1–2 соболя – с подростков. Исключение составляли тунгусы, относившиеся к Подкаменному зимовью, с которых взималось соответственно по 5 и 1 соболу. В среднем несколько большим был ясак у самоедов: до 4 соболей – у взрослых плательщиков и до 3 – у подростков. Наиболее высокие оклады были у остяков: 5 соболей на каждого взрослого и до 4 на подростка. Тавги делились на несколько групп по принципу знатности и состоятельности, представители каждой из которых платили от 2 до 7 ровдуг. Значительная часть коренного населения относилась к категории неокладных ясачных, вносивших нефиксированный ясак в размере, который они считали приемлемым для себя (все якуты, «вольная юрацкая самоедь», 40 остяков и 10 тунгусов). Показательно, что не существовало никаких послаблений для тех, кто принял православие, а таковыми было, к примеру, большинство остяков.

Объяснение указанных выше различий мы видим в следующем. Основным критерием для определения размера ясака были не экономические возможности плательщиков, а степень их покорности властям, военный потенциал сторон, возможность применения силы для взыскания ясака в полном объеме и, наконец, доступность ясачных для отрядов служилых. Так, среди всех народов уезда наиболее воинственными, склонными к актам неповиновения и даже вооруженным выступлениям против русских, являлись самоеды-юраки и тунгусы, которые кочевали в отдаленных районах тундры и тайги, нередко нападали на русских промышленных и служилых. Тунгусы отваживались даже на нападения на ясачные зимовья и убийство ясачных сборщиков. Так, в документе сообщается: «От Турыжского устья вверх по Нижней Тунгуске реке расстоянием верст с семдесят имеетца на правой же стороне ясачное пустое Илимпейское зимовье. А оно зимовье опустело для того, что в прежние годы ясажные тунгусы мангазейских служилых людей убили до смерти и после того во оно зимовье показанные тунгусы ходить не стали»⁷. Остяки, большая часть которых была крещена, вели полуоседлый образ жизни и находились поблизости от Енисея. Этими обстоятельствами, а также покорностью остяков властям и объясняются, на наш взгляд, их высокие ясачные оклады.

Полная уплата окладного ясака, как и взыскание недоимок, были редкими исключениями. В «Ведомости» даются чрезвычайно подробные сведения о ясачном сборе за последние три года (1736–1738) по всем родам и зимовьям. Полная уплата ясака за эти годы отмечена лишь дважды: пятью тунгусами, относящимися к Есейскому зимовью, и тавгами. Относительно последних даже подчеркнуто, что «... оные ровдуги показанные тавги повсягодно платят против оклада сполна»⁸. Обычной же была уплата около половины, трети и даже менее от оклада. Так, остяки, относившиеся к Инбацкому зимовью, должны были уплатить за три года 1005 соболей, собрать же с них удалось мехов лишь за 222 соболя. Некоторые тунгусские роды годами вообще ничего не платили, и властям приходилось мириться с этим. Так, тунгусы Чапагирского зимовья должны были вносить по 146 соболей в год: «И со оных тунгусов в 736 и 737 годех ясаку ничего не собрано для того, что к ясажному зимовью оные тунгусы не бывали и сыскать их мангазейские служилые люди не могли, токмо с одного человека тунгуса, едучи ис того зимовья дорогою, взято в 737 году сто белок за одного соболя»⁹. Можно предположить, что ясачные сборщики не особо усердствовали в поисках указанных тунгусов, так как в предыдущие годы (когда именно, в документе не сказано) те убили служилых, пришедших за ясаком, и надолго исчезли из поля зрения властей.

Рассмотренные материалы ответов на анкету Миллера показывают, что, несмотря на массовый отток русского населения Мангазейского уезда в XVII в. на юг, край не обезлюдел полностью – сотни семей разных сословий продолжали заселять огромные пространства от южных границ уезда до Северного Ледовитого океана, зачастую в местах кочевий коренных народов. А это предполагало преимущественно мирный добрососедский характер взаимоотношений между жителями зимовий и аборигенами. Приведенные материалы также опровергают распространенное мнение об исключительной тяжести ясачного гнета для всех коренных народов Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989.
2. Элрт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990.
3. Элрт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999.
4. Элрт А.Х. Георг Вильгельм Стеллер: «Иркуцкие нравы и образ жизни» // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 32–41.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960 (Труды Ин-та этнографии; нов. серия; Т. 55).
6. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники исторической мысли, 2009.

Статья поступила
в редакцию 23.11.2012

⁷ Там же. Портф. 481. Ч. 5. Л. 111.

⁸ Там же. Л. 142 об.

⁹ Там же. Л. 134 об.